

Три года спустя

Вершину горы Прихода и Ухода обложило тяжелыми тучами. В их свинцовом брюхе глухо рокотал гром, словно там ворочался потревоженный дракон, то и дело озаряя поднебесье резкими сиреневыми вспышками.

Потоки ливня хлестали по камням, но, не долетая до разложенной доски, водяные капли бессильно разбивались о невидимую преграду, отброшенные легким щелчком духовных сил.

Одна из отскочивших брызг угодила прямо в кончик носа златовласому юноше, увлеченно следившему за игрой.

Байцзэ зажал пострадавший нос ладонью и взвыл:

— Цзян Ту, ты мне так переносицу сломаешь!

— Сломаешь — сам и вправишь, — отозвался Цзян Ту, не глядя опуская на доску очередной камень. — Шах и мат.

Белые фигуры, лавируя по доске, стянули кольцо окружения, намертво заперев черные камни в капкане.

Его соперник, Чэн Жан, со стоном откинулся назад:

— Всё, сдаюсь, больше не могу! Старейшина Цзян, ну нельзя же так. Мы играем всего полчаса, а вы меня уже пятый раз всухую разгромили!

Байцзэ язвительно хмыкнул:

— Обыграть Цзян Ту? И на что ты только рассчитывал с твоими-то куриными мозгами?

Чэн Жан вспыхнул от досады:

— Ах так? Ну тогда садись сам! Погляжу я, сколько раз ты продуеть за эти полчаса!

Видя, что эти двое снова готовы вцепиться друг другу в глотки, Цзян Ту ровным голосом пресек перепалку:

— Достаточно. Хотите повздорить — убирайтесь наружу. Нечего шуметь на моем пике Плывущих Облаков.

Обитель Цзян Ту располагалась на пике Плывущих Облаков — уединенной, тенистой круче на северном склоне горы Прихода и Ухода. В свое время Чэн Жан сокрушался, что отправлять дорогого гостя в такую глушь несправедливо, однако самому Цзян Ту этот тихий уголок пришелся по душе, и он обосновался здесь насовсем.

Стоило ему заговорить, как спорщики тут же примирительно подняли руки. Цзян Ту легким движением убрал доску, и плотная завеса ливня наконец обрушилась на каменный стол. Крупные капли забарабанили по дереву и граниту, рассыпаясь звонкой дробью.

Они посидели еще немного в молчании, как вдруг небосвод расколол оглушительный грохот.

Байцзэ задрал голову к темнеющим высям:

— Цзян Ту, неужели ты совсем не переживаешь? Тучи тяжелые, как свинец. Боюсь, Е Хуаю придется несладко под таким грозовым бедствием.

Не успело смолкнуть последнее слово, как с небес с ревом рухнул ослепительный столб молнии толщиной с вековой дуб.

Байцзэ испуганно вжал голову в плечи. Золотистые волосы на его затылке встали дыбом — дикие звери испытывают перед грозой первобытный страх, и даже божественным созданиям не чужда эта слабость.

Чэн Жан протянул ему пару резных нефритовых затычек, чтобы тот заткнул уши, а сам повернулся к Цзян Ту:

— Когда я в свое время совершал прорыв, небеса не гневались так яростно. Говорят, чем глубже заложенная в заклинателе основа, тем беспощаднее карающий гром...

Договорить он не успел: вышину разом распороли еще десятка два фиолетовых разрядов.

Пик Плывущих Облаков словно накрыло исполинской сетью. Сверкающие нити молний, точно нити мертвенно-бледной паутины, оплели все небо над головой.

Там, где электрические бичи били по склонам, клубами повалил удушливый белый пар, пахнувший гарью — жар был столь велик, что дождевая вода мгновенно закипала, превращая землю в раскаленную жижу.

Цзян Ту не проронил ни слова и даже не поднял головы. Перед ним на каменном столе

покоился сухой лист с загнутыми кверху краями, похожий на крошечную лодочку. Цзян Ту неторопливо водил кончиком пальца по скопившейся в нем дождевой воде, гоняя ее по кругу.

Удары сыпались один за другим, оглушая все живое.

Чэн Жан сглотнул и испуганно переглянулся с лекарем. Оба они отчетливо чувствовали, как стягивается грозное кольцо. Сперва молнии били по всей горе Прихода и Ухода, затем сосредоточились над пиком Плывущих Облаков, а теперь упрямо били в одну точку где-то в лесной чаще неподалеку.

Грозное бедствие выследило свою добычу и теперь методично зажимало Е Хуая в тиски.

— Это уже двадцать третий удар, — приглушенно заметил Чэн Жан. — Меня в свое время Небесный путь покарал тридцатью пятью молниями. К тридцатой я уже едва дышал и терял сознание, так что последние пять ударов моему учителю пришлось принять на себя.

Намек был прозрачнее некуда: «Цзян Ту, может, тебе все-таки стоит пойти и проверить своего ученика?»

Цзян Ту прекрасно понял, к чему тот клонит. Он наклонил листик, выливая воду на землю, дождался, пока небесная влага вновь наполнит крошечное корытце, и безучастно обронил:

— Этого слишком мало.

И он оказался прав. Следом за его словами с неба обрушилась новая лавина разрядов, мгновенно перешагнув за отметку в тридцать ударов.

На сей раз молнии били совсем рядом — едва ли дальше десятка шагов от их беседки.

У Байцзэ сузились зрачки. Он принялся испуганно шептать какие-то защитные заклинания, быстро перебирая пальцами в попытке сотворить гадательный жест, но Цзян Ту остановил его одним ледяным взглядом.

— Если он не сумеет пережить даже это, значит, все эти три года я зря тратил на него время, — отрезал Цзян Ту.

Байцзэ застонал:

— Ну и жестокое же ты чудовище. У тебя вообще есть сердце?

Но закончить мысль ему не удалось. От нового, оглушительного взрыва грома он едва не

перекинулся в истинный облик.

— Твою ж мать! — взвизгнул он, подпрыгнув на месте.

Сразу десяток ослепительных столбов пламени один за другим ударили точно в то же самое место. Пик Плывающих Облаков заходил ходуном, словно при землетрясении. Казалось, еще мгновение — и древняя гора расколется надвое.

Затем грохот стих. Черные тучи все так же низко висели над вершиной, но в мире воцарилась звенящая, мертвая тишина.

Цзян Ту бережно опустил мокрый листок в лужу у своих ног и наконец соизволил взглянуть на лекаря:

— Чего только ты набрался, общаясь с нашим главой ордена?

Чэн Жан виновато кашлянул:

— Обещаю, в следующий раз я буду следить за языком.

— Надеюсь, — Цзян Ту наконец поднялся со своего места. — Пойду проверю, что там.

Окружив себя невидимым куполом, укрывающим от дождя, он бесшумным призраком скользнул в глубину леса, туда, где бушевала стихия.

Пик Плывающих Облаков был невелик. Цзян Ту быстро миновал несколько дымящихся кратеров. Каждый последующий провал был глубже и шире предыдущего — немой свидетель того, как с каждым ударом росла ярость Небес.

Лицо Цзян Ту оставалось бесстрастным, но кулаки, скрытые широкими рукавами, сжались до побелевших костяшек.

Вскоре он вышел к самому большому кратеру. Именно туда пришелся последний, сокрушительный удар грозового бедствия.

Над обожженными краями земли поднимался плотный, сизый пар, застилая все вокруг сплошной пеленой.

Сквозь эту завесу Цзян Ту никого не разглядел. Но на дымящейся траве у края ямы багровели свежие брызги крови.

Он нахмурился и резко развернулся — и едва не врезался в чью-то широкую грудь, испещренную глубокими кровавыми полосами.

В нос мгновенно ударил тяжелый запах меди и гари. Цзян Ту поморщился и отступил на шаг. Ключья обгоревшей одежды едва прикрывали тело стоявшего перед ним юноши. Крепкие, рельефные мышцы плавно перекачивались под кожей при каждом вздохе, так и дыша первобытной силой и юношеской удалью.

Подняв взгляд, Цзян Ту столкнулся с сияющими янтарно-золотыми глазами.

Е Хуай расплылся в широкой, совершенно счастливой улыбке:

— Учитель! Вы пришли за мной?

Цзян Ту смерил его взглядом. За последние несколько лет этот несносный мальчишка то ли просто окреп, то ли сказались сытные обеды, но рос он прямо как на дрожжах. Еще в прошлом году они были одного роста, а теперь Е Хуай обогнал его чуть ли не на полголовы.

Цзян Ту страшно не любил смотреть на кого-то снизу вверх. Стоило ему лишь повести ладонью, как Е Хуай, прекрасно зная эту привычку, послушно склонил голову, подставляя лицо.

Прежде светлая кожа юноши была покрыта копотью и сажей — вылитый бездомный пес, вымазавшийся в грязи. На левой щеке зияла рваная рана, края которой обуглились от жара молний.

Цзян Ту мягко коснулся его лица пальцами, направляя поток исцеляющей энергии. Копоть сошла, рана затянулась, и под его ладонью вновь проступили правильные, благородные черты лица.

Их красота была совершенной противоположностью. В облике Цзян Ту сквозила холодная, резкая, как лезвие меча, суровость. Черты же Е Хуая отличались мягкостью и каким-то простодушным очарованием; легкий изгиб бровей создавал впечатление, будто он всегда немного улыбается. Любой, кто взглянул бы на него, признал бы его безупречно красивым.

«Так-то лучше»

— подумал Цзян Ту. Облик ученика теперь радовал глаз. Но стоило ему убрать ладонь, как взгляд зацепился за странную деталь.

— Уши.

Е Хуай растерянно моргнул. Из его растрепанных волос высунулась пара пушистых волчьих

ушей, которые так же озадаченно дернулись.

— Уши? — переспросил он.

Цзян Ту покачал головой, дивясь его недогадливости. Он потянулся и слегка сжал чувствительный кончик пушистого уха:

— Спрячь их.

Е Хуай застыл, и на его щеках проступил заметный румянец.

— Простите, учитель... Я... я просто растерял все силы, пока боролся с молниями, вот они и вылезли сами собой...

При этом уши не только не исчезли, но и ласково, по-собачьи потерлись о ладонь Цзян Ту.

Цзян Ту негромко вздохнул:

— Ладно, не вини себя. Сорок девять ударов грома. Неудивительно, что ты остался без сил.

Вспомнив его жалобы на бессилие, Цзян Ту перехватил его руку у запястья и прижал пальцы к пульсу. Внутренние меридианы были в порядке. Хотя внешние порезы и ожоги почему-то не затягивались, вся застоявшаяся кровь и заблокированные каналы очистились в тот самый миг, когда он совершил прорыв в новое царство.

— Твоя духовная энергия бурлит. Возвращайся в свои покои и займись усвоением этой силы.

Е Хуай послушно склонил голову:

— Слушаюсь, учитель.

Цзян Ту сделал несколько шагов по тропе, но вдруг остановился и обернулся:

— А хвостом-то зачем вилять?

Е Хуай соорудил такое же невинное выражение лица и оглянулся. Из-под его промокших лохмотьев действительно высовывался длинный, промокший до нитки хвост цилиня. С него клочьями осыпалась яркая шерсть, но сам он так и ходил ходуном из стороны в сторону от безудержной радости.

Он захлопал ресницами:

— Учитель, я право не знаю... Оно само...

Цзян Ту с напускной строгостью расширил границы своего невидимого купола, накрывая им и хвост непутевого ученика, чтобы тот окончательно не облысел под ледяными каплями.

— Идем, — велел он и зашагал дальше.

Е Хуай расплылся в улыбке и в три счета нагнал наставника, пристраиваясь к нему почти плечом к плечу:

— Если мы будем идти вплотную, вам не придется тратить лишние силы на удержание барьера,
— услужливо затараторил он.

Цзян Ту счел этот довод разумным и лишь молча кивнул, позволяя ему держаться рядом.

Оказавшись за спиной учителя, Е Хуай довольно прищурился, а его хвост заметался еще стремительнее. Конечно, про «оно само» он бессовестно врал. Все он прекрасно знал.

Е Хуай давно заметил, что Цзян Ту таит перед ним и прощает любые вольности. Он намеренно не стал убирать мелкие порезы и ожоги, лишь бы вызвать у наставника каплю жалости и заботы. И ведь сработало — Цзян Ту самолично исцелил его!

За последние годы его уровень силы рос стремительно, но вместе с тем исчезали и поводы для невинных капризов. Это в тринадцать-четырнадцать лет можно было прикинуться дурачком перед новой книгой заклинаний и выпрашивать, чтобы наставник разбирал с ним каждый символ, направляя его руку своей. Раз уж выпал такой редкий шанс, как грозное бедствие, грех было им не воспользоваться.

Перед началом грозы Е Хуай всерьез переживал: если Небеса обрушат на него всего двадцать или тридцать молний, а он прикинется полуживым, Цзян Ту сразу раскусит обман. К его счастью, Небесный путь не поскупился и отмерил ему сполна все сорок девять ударов.

Е Хуай довольно вильнул хвостом. Учитель невзначай упомянул точное число — сорок девять. Значит, все это время он стоял там, под ливнем, и бережно, один за другим, считал удары, предназначенные его ученику.

«Учитель совсем не изменился. Вечно хмурится, молчит, а на деле никто в мире не дорожит мной так, как он»

Три года, проведенные бок о бок с Цзян Ту, стали для него самым светлым временем в жизни.

Но упиваясь этой лаской, Е Хуай в глубине души испытывал смутную тревогу, смешанную со стыдом.

Он так и не признался, что три года назад сжег ту странную книгу. Тогда же у него впервые прорезались хвост и уши. К тому же, Байцзэ списал это на взросление и пробуждение кости Циляня, и Цзян Ту поверил лекарю без лишних расспросов. Он даже ласкал его порой, как сегодня.

Однако сам Е Хуай твердо знал: настоящей причиной была та таинственная золотая сфера, в которую обратился сгоревший фолиант. Именно она дала толчок к росту кости Циляня. Признаться наставнику он не смел, страхась увидеть в его глазах разочарование. К счастью, за прошедшие годы загадочная сила больше никак себя не проявляла, и Е Хуай твердо решил унести эту тайну с собой.

Вскоре показались очертания изящной усадьбы у воды. Еще издали Е Хуай заметил Чэн Жана и Байцзэ, ожидавших их у входа. В то же мгновение пушистые уши и хвост бесследно исчезли. Еще чего не хватало — позволить кому-то, кроме учителя, гладить его!

Цзян Ту покосился на него с легким недоумением, но юноша лишь невинно улыбнулся в ответ.

Едва они подошли, Байцзэ тут же принялся притворно ворчать:

— Твое грозное бедствие чуть не свело нас в могилу от страха! Один лишь твой учитель сидел как ни в чем не бывало.

— Простите, что заставил почтенных старейшин волноваться, — вежливо поклонился Е Хуай.

— Да ладно тебе, главное — все позади, — Чэн Жан дружески похлопал юношу по плечу, оценив крепость его мышц. — Знаешь ли ты, что Бессмертная владычица Тяньмин, наш прославленный бог войны, при прорыве на третью ступень приняла лишь сорок пять ударов? А у тебя — сорок девять! Твой потенциал воистину безграничен.

— Исключительно благодаря мудрому руководству моего учителя, — скромно улыбнулся Е Хуай.

Чэн Жан раскатисто рассмеялся:

— И то верно! Похоже, три года назад я принял самое лучшее решение в своей жизни, уговорив старейшину Цзян остаться в нашем ордене.

Цзян Ту лишь мысленно вздохнул, не понимая, каким образом разговор опять свернул на него.

— Дела давно минувших дней не стоят упоминания, — прохладно отозвался он.

— Ну как же не стоит, старейшина Цзян? — возразил Чэн Жан. — Время летит быстро, вот и еще три года пролетели. В прошлый раз из-за внезапного прорыва барьера Небесной реки наш орден не смог поучаствовать в ритуале починки небес. Но в этом году мы обязаны там быть.

Цзян Ту смутно припоминал нечто подобное. Этот великий ритуал проводился раз в три года на землях горы Просветленного Сердца. Ведущие праведные кланы Среднего царства отправляли туда своих лучших учеников, дабы общими силами укрепить барьер Небесной реки.

— Хочешь, чтобы я взял с собой Е Хуая? — догадался Цзян Ту.

— Именно! — Чэн Жан часто закивал. — Что скажешь, старейшина Цзян?

Цзян Ту уже собирался вежливо отказаться, как вдруг заметил, что Байцзэ отчаянно подмигивает ему из-за спины Чэн Жана.

«Гадательный массив Небесных Тайн велит нам отправиться в путь»

Против воли звезд не пойдешь.

— Что ж, в таком случае я не смею отказываться, — ровно произнес Цзян Ту.

На том и порешили.

Когда Чэн Жан и Байцзэ откланялись, затяжной ливень наконец прекратился. Сквозь редеющие облака проглянуло робкое солнце, и в хрустальных лужах на дорожках заиграло нежное отражение радуги.

Е Хуай сразу приметил плавающий в воде сухой лист-лодочку, который недавно запускал его учитель, и тихонько коснулся его пальцем, пуская по воде круги.

— Е Хуай.

Тихий голос раздался прямо за его спиной. Юноша так и подпрыгнул на месте. Ему велели медитировать, а он прохлаждался у лужи!

— Учитель! Я... я просто засмотрелся на этот листик, он такой необычный... — забормотал он, спешно пряча руки за спину.

— Протяни ладонь, — прервал его оправдания Цзян Ту.

Е Хуай послушно, но с опаской протянул руку. В следующее мгновение на его раскрытую ладонь легло что-то небольшое и увесистое. Присмотревшись, он разглядел глиняную фигурку цилиня.

Работа была довольно простой, если не сказать грубой: неровные края, смазанные детали. Маленький зверь крепился на простом темном шнурке, образуя скромный браслет.

Цзян Ту отвел взгляд. Его длинные ресницы едва заметно дрогнули, выдавая легкое смущение.

— Сегодня твое шестнадцатилетие, — негромко произнес он. — Если подарок не пришелся по душе — выброси.

Своего настоящего дня рождения Е Хуай не знал, поэтому они праздновали тот день, когда Цзян Ту подобрал его на заснеженной дороге.

Глаза юноши вспыхнули от восторга.

— Учитель! Вы... вы сами его сделали? — выдохнул он, благоговейно сжимая глиняную фигурку. — Он чудесный! Я никогда его не сниму!

Он торопливо обмотал ремешок вокруг запястья и принялся счастливо разглядывать свое приобретение. Браслет сидел как влитой.

— И по размеру подошел! Учитель, посмотрите, как красиво! Я так рад, так рад...

Он не умел скрывать переполнявшие его чувства. От избытка эмоций из-под одежды снова выбился пушистый хвост цилиня, завертевшийся с бешеной скоростью.

Цзян Ту сделал глубокий вдох, ощущая, как под этим преданным, сияющим взглядом его собственные щеки начинает обжигать предательский румянец.

— Рад — и хорошо, — буркнул он, отворачиваясь. — Нечего так орать на всю гору.